

ПОЛЕМИКА

ОЖИДАЕМЫЙ ПОВОРОТ В ДУХОВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

*Волконский Виктор Александрович – д.э.н.,
профессор Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН*

Ожидаемые перемены

XX век прошел под знаком противостояния капитализма и социализма – и как

общественно-экономических систем, и как идеологий. В настоящее время эти парадигмы или символы в значительной мере потеряли свою определенность и мобилизующую силу. На их место выдвигается новая пара противостоящих друг другу парадигм: глобализация и многополярный мир. Пока они связываются только с геополитическими и экономическими схемами. Но явно ощущается потребность в формировании соответствующих им идеологий. И, видимо, их различия будут отражать цивилизационные различия и исторические традиции Запада и Востока (как и предшествующая оппозиционная пара «капитализм – социализм»).

Имеется много признаков того, что период безраздельного доминирования Запада во всех сферах жизни, который начался с крушения СССР, может скоро окончиться. Наиболее вероятный прогнозный сценарий, по нашему мнению, состоит в том, что на длительный срок установится ситуация, которую характеризуют как **многополярный мир**.

О неизбежности скорого конца однополярного мира уже давно свидетельствуют как финансовые показатели США (в частности, беспрецедентный рост общей массы долговых обязательств в экономике страны – и у населения, и величина государственного долга), так и несоответствие их уровня потребления ресурсов (40% от мирового) и объема производства (20% от мирового).¹ Это предрекает и большинство «пророков» и «гуру» интеллектуального сообщества самых разных ориентаций – от врагов Америки до ее патриотов. Америка неизбежно потеряет роль экономического и политического лидера. Уровень жизни американцев должен снизиться или, по крайней мере, не расти и приближаться к уровню жизни других, растущих «полюсов».

По мере ослабления влияния мирового Центра и повышения удельного веса Китая и других региональных центров в мировой экономике и политике появляется все больше возможностей для более широкого поиска самостоятельного пути развития, социального и духовно-идеологического творчества у более слабых в настоящее время цивилизационных центров, в том числе и России. По-видимому, после 2020

¹ Более подробно см., напр., в [1].

года на несколько десятилетий (а может быть, и столетий) картина мира будет характеризоваться повышением экономической, политической и духовно-идеологической значимости и независимости от западного Центра таких «полюсов», как Китай, Россия, Индия, исламский мир, Латинская Америка.

И главным направлением таких поисков, судя по всему, должны стать не технологические или институциональные инновационные прорывы, а в первую очередь создание приемлемых образов будущего, заполнение остро ощущаемого вакуума в смысловой сфере. Это одно из главных изменений, которое, по нашему мнению, должно произойти и уже происходит при переходе к новому историческому периоду – значительный перенос внимания общества с практически-утилитарных проблем на духовно-идеологические, выход из тупика бездуховности, которым характеризуется период конца XX – начала XXI века.

Чем объясняется длящийся уже два десятилетия упадок культуры в России – и кино, и театра, и литературы, и даже эстрады? Ее высочайший уровень держался два века и в условиях государственной поддержки, и вопреки противодействию властей. Попытки объяснить этот упадок политическим или экономическим давлением неубедительны. Главная причина – духовный упадок в обществе, дезориентация общества и самих творцов искусства и литературы, отсутствие разделяемой активной частью общества внятной идеологии, дающей ориентиры – что хорошо и что плохо, что есть жизнь и что – смерть. Такая идеология и такая духовность может быть не одна. И даже наверняка их окажется несколько, на которые готовы будут откликаться разные части элиты. И они, конечно, будут бороться друг с другом (дай Бог, не до гражданской войны). Но сейчас нет ни одной, которая зажгла бы огонь веры у великого художника или политического лидера. Должно произойти повышение роли надличностных Смыслов, возникновение новых объединяющих символов и учений или оживление, обновление и оздоровление старых. Мы верим, что многообразии жизненных укладов и верований и путей их совершенствования, которое сулит ожидаемый многополярный мир, будет благом для человечества и предпосылкой для его духовного объединения и окажется более успешным, чем безальтернативное доминирование одного Центра.

Наиболее важный фактор, порождающий слабость современной России, ее неспособность решать очевидные проблемы, устранить нарастающие угрозы – отсутствие духовно-идеологического и политического единства и во властвующей элите, и во всем обществе. Главная линия раскола по его основному противоречию воспроизводит в современных условиях вечный русский спор между западниками и славянофилами (более адекватно – почвенники, патриоты).

Объективной основой этого давнего раскола служит лидирующее положение Запада в экономике, политике, науке, уровне жизни населения в течение последних нескольких столетий. Современный мир явно делится на Центр (США, ЕС, Япония –

«золотой миллиард») и остальные страны, представляющие Периферию. После распада СССР мир приобрел четко выраженную однополярную структуру. Запад задает «правила игры» и стремится распространить на весь мир свою систему ценностей, критериев и институтов. Перед каждым политическим и идеологическим субъектом имеется выбор: 1) согласиться с таким однополярным устройством человечества (и помогать его совершенствовать), т.е. фактически встроиться в «кильватер» Западу, или 2) строить самостоятельный, суверенный цивилизационный Полюс, опираясь на собственные исторические традиции и культурно-идеологический фундамент.

Сейчас Россия после неудачной попытки в XX столетии создать цивилизационный полюс, альтернативный капиталистическому Западу, и катастрофы 1990-х годов не обладает потенциалом, чтобы оказывать определяющее воздействие на ход истории. Но имеется много признаков, что монопольное господство Запада во главе с США клонится к закату.

Период смутного времени, переживаемого сейчас Россией, далеко не кончился. Ее слабость, непредсказуемость, давнее и сохраняющееся еще конфронтационное отношение к ней мощного западного полюса – в силу этих причин в близком будущем исторические судьбы мира будут определяться не Россией, а динамикой и соотношением сил других мировых полюсов. Но картина мира меняется. Безраздельное доминирование Запада уйдет в прошлое. И тогда Россия неизбежно возродится и станет мировым субъектом первой величины. Усилия нашей духовно-интеллектуальной элиты должны быть направлены не на прорыв любой ценой, «здесь и сейчас», а в первую очередь на подготовку этого не столь далекого будущего.

Трагедия Гражданской войны в России закончилась только с Отечественной войной и великой Победой. Но коммунистическая элита потеряла слишком много сил и не смогла уберечь страну от раскола и лжи, которые стали снова разъедать Россию. Если бы не нависающая громада Великана в виде сытой и собравшей весь мировой интеллект Америки, если бы, скажем, Россия жила на острове, отделенном от Запада океанами, как Америка от Европы, или большими цивилизационными расстояниями, как Китай, тогда, возможно, она постепенно преодолела бы раскол и бедность, вышла бы к идеологии многополярного мира и пошла по китайскому пути.

Человек обитает в двух мирах, в двух сферах – в сфере материального, физического бытия и в сфере духовных, смысловых реальностей. В обществе знания и информации трудно сомневаться, что развитие идей и учений происходит в большой мере независимо от изменения материальных условий жизни, стереотипов экономического и политического поведения. В разные периоды истории человечества и разных его частях приоритетными или объективно первичными, определяющими исторические процессы, оказывались сущности и явления то одной, то другой из этих

сфер. Возникшая в Европе на рубеже Средних веков и Нового времени экономическая цивилизация, благодаря ее великим достижениям в развитии хозяйства, наук и технологий, поставила на первое, приоритетное место как для личности, так и для народов и иных человеческих общностей факторы материального и хозяйственного мира. Это был и великий поворот в духовной сфере – в сфере целей, ценностей и смыслов бытия, поворот, сопоставимый со смещением земной оси и магнитных полюсов. С развитием человечества в этом материалистическом направлении все в большей степени происходило подчинение всех остальных целей и смыслов бытия целям технико-экономического развития. Остальные смыслы и ценности, заданные предшествующим периодом доминирования мировых религий, выветривались, обеднялись, теряли свою силу и действенность, замещались стремлениями к комфорту, власти, удовольствиям, к игре как смыслу жизни. Но героический период экономической цивилизации, начавшийся великими географическими и научными открытиями, закончился после того, как с середины XX века мир был поставлен на край гибели разработкой новых и новейших видов оружия массового поражения. К концу XX века от духовных основ экономической цивилизации, которая принесла человечеству великие достижения и великие опасности, остались только безудержное стремление к скорому обогащению, прагматизм и бездуховность.

Может ли этот «сектор» смысловой сферы обеспечить развитие человечества на будущее? – Временно, конечно, обеспечит. Еще, возможно, на десятилетия или даже столетия, судя по тому, что все новые страны вступают сейчас в клуб капиталистического развития. Однако представляется вполне возможным и обратный поворот колеса Истории – к обострению потребности в надличностных ценностях, возвращению к духовно-идеологическим поискам. Мы исходим из этого.

Сейчас, особенно в связи с кризисом, появилось много высказываний и экономистов, и политологов, и философов о переломном характере нынешнего исторического момента: от прогноза конца однополярного мира (например, Ф. Фукуяма опубликовал статью «Конец корпорации "Америка"» [2]) до констатации конца капитализма. Есть мнение, что капитализм потерял свои характерные атрибуты. В последнее время было немало попыток отказаться от самого понятия капитализм. Например, Ю. М. Лужков в книге 2009 г. [3, с. 8] пишет: «В последнее десятилетие мир жил уже не при классическом капитализме с его рыночной производственной и торговой экономикой.... Мы жили при "новой формации", совершенно новой генномодифицированной форме капитализма – трансакапитализме».

Все прогнозы и констатации верны. Но только если рассматривать их все в соответствующем масштабе времени (что-то относится к десятилетиям, что-то – к столетиям). По нашему мнению, непосредственных изменений мирового устройства в течение одного-двух лет ждать не следует. И у капитализма, и у Америки, и у мировой финансовой олигархии еще достаточно сил, чтобы сохранить status quo, по крайней

мере, до начала фазы подъема следующего кондратьевского цикла, т.е. еще на 8–10 лет. (Если США смирятся с постепенной утратой своего монопольного доминирования в мире.)

Главное изменение, которое, можно надеяться, произойдет в результате нынешнего кризиса, – это некий поворот в сфере духовно-идеологической: начало (дай Бог, хоть начало!) формирования новой социально-экономической идеологии. XX век породил разрушительные войны и революции, в основе которых лежали конфронтационные различия между идеологиями, духовными традициями, между группами стран и целыми цивилизациями. Мир устал от этих разрушений. Этой усталостью можно объяснить успех установки, отвергающей любую идеологию («идеология деидеологизации») и даже дискредитирующей любую Идеальность (постмодернизм).²

Мировые религии в значительной мере вытеснены атеистическими идеологиями. Сначала – гуманизма, просвещения, прогресса, потом социализма, национализма, либерализма. Все эти великие учения, общественные цели и идеалы, все надличностные Смыслы нуждаются в оживлении. Они не работают без модернизации, адаптации к новому историческому опыту. А без таких надличностных Смыслов перестают работать мораль, право и все другие институты, благодаря которым человечество достигло великих вершин культуры и цивилизации. Способность к Вере, способность направлять свои мысли и действия в соответствии с далекими по времени и надличностными целями и ценностями – это важнейшее свойство человеческой психики. Человек – настолько умное и приспособляющееся животное, что он любые институты, любые ситуации может использовать в своих целях и интересах. Если деградируют надличностные Смыслы, то он и государство, и правоохранительную систему использует не для защиты от преступников, а как орудие для грабежа. Как известно, «язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли» и т. д.

Сейчас в большой степени утратили свою определенность и мобилизующую силу парадигмы «капитализм» и «социализм». Однако нарастание противоречий в мировой экономической и геополитической системе несет миру серьезные угрозы. Быстро увеличивается разрыв между «продвинутой» частью человечества и массой бедных слоев населения (в основном в странах периферии) по уровню жизни и по возможностям реализации своего человеческого потенциала. Угрозу опасных для мира кризисов несет подавляющее превосходство финансовой сферы над реальным сектором экономики, от которого зависит жизнь и смерть миллиардов людей. А также созданная мировой властвующей элитой эффективная система идеологического контроля,

---

² Серьезным явлением 2009 года стали публикации С. Е. Кургиняна, знаменующие актуализацию внимания нашей интеллектуальной элиты к проблемам духовности и защиты Идеального: двухтомник [4] и серия статей «Кризис и другие» в газете «Завтра».

которую можно обозначить как экономический тоталитаризм. Процессы в финансово-идеологической сфере отчасти стихийны, отчасти контролируются очень узким кругом (или слоем) финансистов, политиков, аналитиков. Власть этого круга огромна. Она сопоставима с властью египетских фараонов или китайских императоров, которые, однако, не имели современных орудий манипулирования общественным сознанием.

Единственной силой, способной противостоять ей в современном мире, могут стать только государства – национальные или имперского типа, опирающиеся на свои духовно-идеологические и цивилизационные основы (см., напр., [5]). Могут стать, если будут созданы эффективная идеология и объединяющая духовность для сопротивления негативным тенденциям финансового капитализма, и если эта идеология станет основой для международного сотрудничества государств-полюсов возникающего многополярного мира. Чтобы проиллюстрировать значение духовной опоры для укрепления государства и права, обратимся к нынешним усилиям преодолеть коррупцию и беспредел российских чиновников и работников МВД. Журналисты либерального толка нередко укоряют их в превышении служебных полномочий, указывая, что они только наемные работники, получающие оплату от налогоплательщиков. Стремление свести основные мотивации к чисто коммерческим стимулам и отношениям, даже когда речь идет о профессиях, связанных с готовностью рисковать жизнью для защиты отечества и соотечественников (проект полного перевода армии на контрактную основу), свести роль высших представителей государства только к роли менеджеров – все это части общей линии, тенденции лишить значение государства его сакральной, духовной составляющей, устранить смысл Служения. Эта тенденция десакрализации государства, списанная с западных образцов, несомненно противоречит историческим традициям и глубинным культурным основам российской цивилизации. Отношение общества к представителям государства, милиции, военным (и их самих к себе) в первую очередь как к наемникам приведет только к тому, что тяжелые проблемы современной России не будут решены, пока это отношение не будет изменено.

Представления о том, что созданное в США и других странах «семерки» информационно-финансовое общество и постиндустриальный, постмодернистский мир – это путь, по которому может и должно пойти все человечество, подвергаются убедительной критике. И не только с точки зрения ресурсных возможностей планеты, но и в аспекте устойчивости сложившейся финансово-политической системы. В этом смысле представления и образы будущего долгосрочного доминирования у части мировой элиты являются в значительной степени «иллюзорными» и могут стать обоснованием экстремистских решений.

Категории капитализма и социализма утратили свою определенность

По-видимому, наиболее плодотворно рассматривать современную мировую социально-экономическую систему как определенную фазу развития капитализма – финансовый капитализм, которая была описана уже Р. Гильфердингом и В. И. Лениным. В том, что нынешний кризис знаменует «конец капитализма», есть значительная правда. В свое время Ф. Ницше констатировал: «Бог умер!». Наступление фазы или эры финансового капитализма – это важный перелом в духовно-идеологической сфере. Умер Дух капитализма, о котором писал Макс Вебер в своей знаменитой книге. Это, правда, не Бог, но, несомненно, Великий Созидающий Дух, которому Человечество обязано практически всем современным техническим могуществом и жизненным благополучием. И вот этот Великий Дух отлетел, испустил дух (прошу прощения за каламбур).

Макс Вебер, определяя его, специально подчеркивает: «Свободное от каких бы то ни было норм приобретательство существовало на протяжении всего исторического развития... “Стремление к наживе”, “к злату проклятая страсть”, алчность, ... Не в этом различие между капиталистическим и докапиталистическим “духом” [6, с. 78]. Капиталистический Дух заключается в том, что смыслом жизни, призванием становится «само дело с его неустанными требованиями, которое становится необходимым условием существования» предпринимателя, дело которое «требует не отдавать прибыль в рост, а вкладывать в производство»... [6, с. 88-89].

Приходится констатировать, что в эпоху финансового капитализма от Великого Созидающего Духа осталась только неукротимая страсть к «быстрому обогащению». Элита по своей духовной и мотивационной структуре возвратилась к докапиталистическому уровню. В этом смысле можно говорить, что пламя Духа капитализма угасло. По крайней мере, это несомненно для главной, бурно растущей части современной капиталистической экономики – финансовой системы. После появления в 1933 г. работы А. Берла и Г. Минза «Современная корпорация и частная собственность» [7] стало общепризнанным отделение собственности крупных корпораций от их управления. Произошел отрыв слоя собственников, т. е. тех, кого именно принято считать капиталистами, от слоя менеджеров – тех, кто управляет компанией, кого Дж. Гэлбрейт называл технотструктурой компании, а при обсуждении корпоративных отношений именуют обычно инсайдерами.³ Жизнь собственников, их интересы и стремления переместились из сферы реального производства в сферу финансов, которая все больше сплавляется с политикой. Это касается, конечно, крупных собственников. Мелкие акционеры давно потеряли возможность играть самостоятельную роль в принятии стратегических решений.

---

³ Анализ роли инсайдерского контроля в современной экономике развитых стран и России см. в книге [8].

Дж. Гэлбрейт писал, что техноструктура (менеджеры) идентифицирует свои цели и интересы с целями долгосрочного развития компании. Именно инсайдеров с наибольшим правом можно считать носителями Духа капитализма, для которых Дело служит призванием и смыслом жизни. Однако они – наемные работники. И хотя эта их идентификация с перспективой развития предприятия продолжает оставаться важным духовным двигателем истории, правомерно ли связывать ее именно с капитализмом? Ведь поведение, цели, мотивации техноструктуры практически одинаковы как при капиталистическом, так и при социалистическом устройстве общества. При обеих общественных системах управленцы реализуют свой духовный потенциал через конфликты – с госчиновниками (при социализме) или с собственниками (при капитализме). При социализме с течением времени этот духовный двигатель постепенно терял свою силу. Похоже, то же происходит в капиталистической системе.

Это не значит, что капитализм как система должен вот-вот рухнуть или что он не сможет возродиться в новой ипостаси. Если основным двигателем капиталистической экономики было стремление к увеличению капитала, которое тождественно с увеличением товарного производства, то при «новой формации» роль основного двигателя перешла к другому виду деятельности – к финансовым спекуляциям и управлению финансовыми потоками, неразрывно связанному с внеэкономическими (политическими, информационными, аналитическими) факторами и мотивациями. Новая формация, действительно, заслуживает и нового наименования. Однако приставка транс- в термине транскапитализм [3] содержит только указание либо на то, что новая формация не укладывается в рамки капитализма (так же как, скажем, «посткапитализм»), либо на глобальную роль транснациональных корпораций. Вряд ли эти признаки являются наиболее существенными в выделении новой формации. Уж если признать возникновение новой формации, ее следовало бы называть **финансиализм** (словообразование, аналогичное капитализму и социализму).

С теорией, идеологией и самим определением понятия социализма дело обстоит гораздо серьезнее. Троцкисты и многие социал-демократы считают, что Советский Союз – это не социализм. Это не бесклассовое общество: там возник «новый класс» – бюрократия, номенклатура. Но бывает ли вообще бесклассовое общество? Элита всегда имеет больше возможностей для развития. Видимо, чтобы анализ был содержательным, просто надо для каждой эпохи (для каждой исторической формации?) по-своему определять понятие «классов».

«Средства производства в собственности народа» – это тоже не существенный признак для определения социализма. Важна не юридическая собственность, а контроль над производством и движением ресурсов. В крупных корпорациях контроль очень часто в руках у топ-менеджеров, а не у юридических собственников.

Одним из великих исторических достижений социализма стало признание значимости труда на благо общества как «дела чести и славы, дела доблести и геройст-

---

ва». Однако и в теории, и в практике управления социалистическим хозяйством настойчивые попытки отделить производительный труд от непроизводительного не дали существенных положительных результатов. От дискредитации деятельности хозяев или менеджеров, а также деятелей науки и культуры как труда непроизводительного пришлось отказаться. Признание ценности труда остается чрезвычайно важным, но не в качестве противопоставления капиталу, а как духовно-идеологического, смыслового символа в оппозициях «творчество – потребительство», «созидание – получение удовольствия».

И. Сталин в работе 1951 г. «Экономические проблемы социализма в СССР» [9] определяет социализм не через господство государственной или частной собственности, не через наличие рынка или плана, а через цель, на которую направлено данное общество (в чьих интересах?). Капитализм – такой строй, который обеспечивает максимизацию прибыли держателям капитала. Социализм – такой строй, который направлен на «максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей членов общества». Сталин понял, что идеология – это не функция от производительных сил и производственных отношений, не «надстройка» (по-русски, чердак?), а нередко главный двигатель истории. В эпоху информационного общества в этом трудно сомневаться. Человек живет в двух мирах. Исторический материализм был великим прорывом в науке об обществе. Но он недостаточен. Необходимо дополнить его историческим идеализмом.

Перетекание границы между капитализмом и социализмом из области формальных первоначальных определений в область трудно фиксируемых духовно-идеологических отличий вполне аналогично эволюции понятия демократия. История неопровержимо свидетельствует, что очень часто авторитарная, официально не связанная никакими формальными ограничениями власть в гораздо большей степени отвечает и объективным интересам, и сознательным и бессознательным стремлениям большинства народа, чем власть, претендующая на это и формально подчиняющаяся демократическим законам и процедурам.

По Марксу социализм – это переход **из «царства необходимости» в «царство свободы»**. Что такое царство необходимости – понятно. Это господство экономических стихий, над которыми человек не властен. Но что такое свобода? Для кого свобода? Имеется ли в виду **свобода для Человека с большой буквы, для человечества, т. е. свобода выбора им исторического пути?** Или это свобода либералов, т. е. свобода для каждого отдельного индивида, которая вовсе не предполагает подчинение единой цели, какого-либо единства духового или идеологического. (Ну, скажем, как в Ираке сейчас, после введения американских войск. Или как свобода князей с их дружинами на Руси перед монгольским завоеванием.) Свобода в этом втором понимании, очевидно, полностью отрицает возможность свободного выбора страной или народом своего исторического пути, т. е. свободу в первом понимании.

Для свободного выбора исторического пути необходимым предварительным условием служит обеспечение единства, хоть с помощью силы, хоть с помощью добровольной поддержки диктатора. В истории чаще так и бывает, хотя, конечно, более предпочтительно – путем добровольного образования политического союза типа Европейского Союза (дай Бог ему сил не развалиться еще сотни или хотя бы десятки лет). Таков политический аспект старого философского противопоставления по Дж. Стюарту Миллю: первый смысл соответствует «свободе для», *liberty*, второй – «свободе от», *freedom*.

Современные троцкисты и социал-демократы хотят сохранить марксистскую убежденность в объективной детерминированности истории, в неизбежном наступлении социализма после капитализма. Но, с другой стороны, Советский Союз признавать социализмом они не хотят: почему-то там не было политических свобод, производительность труда не стала выше, чем при капитализме. Когда их слушаешь или читаешь, создается впечатление, что они хотят сохранить представление о социализме как манящий образ Царства Божия на земле, «сияющего города на холме». Вспоминается анекдот советских времен. На партячке спрашивают у мужика: «Да ты знаешь, что такое социализм?» – «А как же, знаю. Это когда всего вдоволь». – «А поподробнее?» – «Ну, скажем, летом побатрачил – на весь год сыт. Словом, как при царе».

Создание концепции социалистического общества как общества, свободного от тех черт реальных обществ, которые противоречили представлениям нравственности и накопленного опыта, и многократные усилия по ее совершенствованию, разработки путей его достижения несомненно сыграли огромную роль как в обществоведении, так и в реальной истории человечества, как стимулы совершенствования общественного устройства. Оппозиция «капитализм – социализм» оказалась, как мы знаем, исключительно плодотворной и в идеологии, и в науке. Конструирование образа идеального общественного устройства, идеального не в гносеологическом смысле, как «идеальные типы» у М. Вебера, а в смысле Идеала, который может стать путеводной звездой, способной вызвать пассионарную энергию поиска исторического пути возвышения народа или всего человечества, – такая теоретическая работа, включающая и заимствование элементов альтернативной идеологии, может дать важные результаты. Возможности имплантации органов из чужого тела сначала появляются в головах врачей-теоретиков. Однако когда организм, доказавший свою жизнеспособность реальной исторической практикой, объявляется «незаконным» биологическим видом (как «неправильные пчелы» у Винни-Пуха) на том основании, что он не похож на кибер-человека, – вряд ли это плодотворная позиция для интеллектуала.

Но теория социалистического общества и социалистического хозяйства, конечно, разработана гораздо слабее, чем теория капиталистического хозяйства.

Главные произведения Маркса посвящены анализу экономико-политической системы капитализма. Категория социализма появляется у него в основном как альтернатива, как идеологический противовес реальности.

Сам по себе рыночный механизм функционирования экономики – достаточно рационально действующий инструментарий, вырабатывающий единый измеритель всех существенных показателей своей деятельности – деньги и подчиняющийся единому критерию ее успешности – прибыли. По этой причине он является и очень благодатным объектом для изучения и математического моделирования.

Правда, это относится только к одной из подсистем реальной экономико-социально-политической системы капитализма, причем лишь в тех странах и секторах деятельности, где функционирование конкурентного рынка не подвержено определяющему воздействию монополистических групп корпораций (на языке теории игр – где выполняются предположения о бескоалиционной игре: подробнее см. в [5]). Однако это все же очень большая сфера реального функционирования капиталистической системы. В настоящее время в тех странах, которые можно назвать социалистическими, рыночная часть экономики играет существенную роль, но ее доля значительно меньше, чем в странах капитализма. Эта рыночная часть хозяйственной системы изучена в рамках экономической науки достаточно хорошо. Остальная часть требует подходов и методов социологии, политологии, массовой психологии и т. д., которые развиты гораздо слабее.

Сам объект изучения теории капиталистического хозяйства – социальная и экономическая реальность – быстро изменяется; появляются также новые методологические подходы к ее исследованию, выявляются новые факторы и аспекты, которые раньше не привлекали внимания. Поэтому общий корпус теоретических наработок и их «экспериментальных» (в основном статистических) проверок претерпевает время от времени глубокие изменения, углубляя и обогащая свое содержание.

Теория социалистического хозяйства разработана слабее, чем капиталистическое, прежде всего, потому, что капиталистические системы существуют уже 4–5 столетий, а система социализма в Советском Союзе просуществовала только 70 лет, и теперь из крупных стран остается только Китай. Другая причина состоит в том, что в советское время политэкономия была слишком идеологизированной дисциплиной, и в работах многое утрачивалось за счет цензуры и самоцензуры авторов. В то же время реальная социальная и экономическая институциональная система СССР была великой «кладовой» положительного и отрицательного опыта и содержала массу открытий и инноваций, которые были позднее в том или ином виде восприняты также в других странах и наверняка еще будут переоткрываться при поисках общественно-политических устройств в будущем многополярном мире. К сожалению, эта «кладовая» незаслуженно мало изучена и описана с точки зрения объективного (а не

политически ангажированного) наблюдателя. Важнейшим шагом в сохранении и освоении этого богатства являются работы С. Г. Кара-Мурзы [10, 11].

Фактически оказалось, что большая часть теоретических работ о социализме написана либо противниками любого социализма, либо социалистами, но отрицающими опыт СССР как опыт реализации социалистической идеи, либо же это излишне идеологизированные работы, не отвечающие на неудобные вопросы. В качестве одного из немногих исключений из этого «правила» следует указать на содержательное всестороннее исследование как теории социализма, так и ее практической реализации в Советском Союзе в работе Ф. Н. Клоцвога [12], написанное человеком, который в течение 30 лет непосредственно участвовал в разработке механизмов планового управления хозяйством и в подготовке ряда практических решений. Книга содержит как положительные оценки применявшихся экономических механизмов, так и их критику. Книга ценна тем, что те и другие оценки даны с высоты нашего современного опыта.

Роль идеологий. Цивилизационная концепция исторического развития

Представления о том, что идеологии – это атрибут несвободных социалистических обществ, где идеология является главной опорой государства, а в демократическом, плюралистическом западном обществе идеология не играет значительной роли, – эти представления не соответствуют действительности. Идеология – это господствующие в стране более или менее формализованные представления о том, как должно быть устроено общество, какие институты справедливы, какие нет, какими должны быть отношения между классами, национальностями, государством и населением. Официальная идеология оказывается действенной и устойчивой в той мере, в какой она соответствует историческим традициям, которые находят отражение в коллективном бессознательном и культуре народа, – тому, что называют цивилизационным кодом.

В долгосрочном, стратегическом плане идеологический фактор играл и играет не менее, а во многих случаях более важную роль, чем научно-технологическое развитие и экономические институты. В нынешнем секуляризованном и даже атеистическом обществе идеологии в значительной мере заняли то место в духовной сфере, которое раньше занимали религии. На протяжении последних пятисот лет (или дольше) в Европе, а затем и в Америке развивалась и упрочивалась небывалая прежде экономическая цивилизация, завершившаяся формированием современного капитализма. Параллельно, рука об руку с ней развивалась и совершенствовалась ее духовно-идеологическая опора – ее культура, мораль, принципы государства и права (трудно согласиться, что все это только надстройка).

Историческое противостояние капитализма (и его идеологии – либерализма) и социализма было многократно описано в том или ином виде как современная фаза

противостояния многовековых исторических тенденций, каждая из которых характеризуется своим комплексом идей, ценностей, стереотипов социального поведения. Их различия коррелируют с различиями Западного и Восточного (в основном, российского и восточноазиатского) цивилизационных типов (см., напр., такое описание в [15]). Такой подход соответствует так называемой цивилизационной концепции исторического развития, в частности, возникновения социализма – в противоположность формационной концепции, рассматривающей социализм как закономерно сменяющую капитализм ступень развития человеческого общества (формацию). Несомненно, каждая из этих концепций несет свою долю истины.⁴

Воздействие капиталистической системы и всей западной цивилизации, включая и ее мощные идеологические орудия, будило и активизировало малоподвижные тела незападных стран и цивилизаций. Однако это воздействие часто приводило не к прогрессу, а к разрушению цивилизационных систем, развивающихся на иных принципах, но развивающихся слишком медленно или стагнирующих. Историческим ответом незападных стран и обездоленных классов в самих западных странах стало возникновение идеологии социализма, а затем и системы социалистических государств, включая Россию и Китай.

Мир распался на две системы государств, резко различающиеся как по содержанию экономико-политических институтов, так и особенно – по культурно-идеологическим основам жизни. Политико-экономические и идеологические центры этих систем географически соответствовали:

- 1) ареалу западноевропейской цивилизации (включая США и Канаду) и
- 2) двум цивилизациям – российской и китайской.

Господствующая на Западе идеология капитализма – либерализм явилась результатом длительного, нередко мучительного, но в целом успешного развития сложившейся в Европе в период позднего Средневековья по существу новой цивилизации, удачно названной Ю. М. Осиповым экономической цивилизацией (см. [14] и [15, разд. 3]). Ее основные постулаты, отличающие ее от идеологии восточной: человек стремится к увеличению своего богатства, и это не только констатация фактического положения, но одобряемая конечная цель деятельности и даже, может быть, обязанность; то, что он добыл или заработал – это результат его собственных усилий и

---

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс большое внимание уделяли осмыслению феномена восточных обществ, которые не вписываются в формационную схему исторического развития, разработанную на базе европейской истории (античность, феодализм, буржуазное общество). Структуру восточных обществ они называли азиатским способом производства. Они определяли восточные общества как систему сельских общин, объединение которых происходит не за счет товарного характера производства, а за счет государства (не вещные, а личностные отношения, по выражению Л. Моргана) (см. [13]).

правильности его решений, этим он никому не обязан,⁵ и его собственность священна; все организации, включая и государство, создаются, чтобы помогать ему в увеличении богатства, они ценны только в той мере, в которой они выполняют эту функцию. Поскольку государство и церковь претендовали на более высокий статус в иерархии ценностей, возникла идеология либерализма с высокой ценностью **индивидуальной свободы** (прежде всего, свободы обогащаться) и антигосударственной направленностью. Богатство стало мерилем успеха и ценности человека. Все ограничения и связи заменялись нормами и критериями из сферы экономики: ценности превращаются в цены, качественные различия – в количественные, свобода личности – в свободу продавать и покупать

В восточной цивилизации (и выросшей на ее почве социалистической или коммунистической идеологии), в отличие от западной, накопление богатства не признается главной целью человека и, как правило, не считается результатом только его индивидуальных усилий; большей ценностью, чем его частное благосостояние, признается общество, коллектив и прежде всего государство как представитель всего общества; ценность человека определяется не способностью увеличить свое богатство, а его заслугами перед обществом. Высшая ценность – **единство общества**.

Конечно, указанное различие высвечивает только главный вектор расхождений в очень сложной и многоаспектной системе факторов, сближающих и удаляющих друг от друга две цивилизации и идеологии.

Важнейшим институциональным отличием восточных цивилизаций и идеологий от западных служит гораздо большая **роль государства** и его духовная значимость. В западной институциональной системе значительную часть не только экономических, но и политико-административных функций выполняют коммерческие организации. Со временем безмерно увеличивается власть и политическое влияние крупных банков и корпораций. Наоборот, в восточных странах, не принадлежащих к экономической цивилизации Запада, не только политические и административные функции, но и инициативу и организацию хозяйственной деятельности часто и успешно брало и берет на себя государство. Формальные права собственности (не только титул

---

⁵ В середине XX века шла длительная дискуссия о социальной ответственности бизнеса. Милтон Фридман предельно четко сформулировал: «социальная ответственность бизнеса заключается в увеличении своих прибылей». Его задача состоит только в том, чтобы «использовать свои ресурсы и осуществлять деятельность, направленную на увеличение своих прибылей до тех пор, пока она остается в рамках правил игры, т. е. участвует в открытой и свободной конкуренции без обмана и мошенничества». «Даже признание на словах необходимости социальной ответственности бизнеса укрепит и так превалирующее убеждение в том, что стремление к прибыли нехорошо и аморально».

«частное или государственное», но и более конкретные правомочия), как и рынок, и большая часть других экономических институтов, – здесь не догма, не самостоятельная ценность, а инструмент в руках государства.

Это, конечно, не означает, что «идеальный тип» социализма должен включать полное огосударствление экономики. Не говоря уже о малом бизнесе, даже крупные компании вполне могут оставаться в частной собственности, если эти компании и их собственники действуют в интересах общества. Они могут действовать и более эффективно, чем, будучи национализированы, под непосредственным управлением чиновников. Важно, чтобы государство сохраняло контроль над теми государственными структурами, которые обеспечивают дееспособность государства и экономическую безопасность общества (над «командными высотами» экономики). Чтобы сохранилась возможность обеспечить непосредственное государственное руководство, если окажется, что частные собственники действуют против интересов народа. Излишнее огосударствление хозяйства в 30-е годы в СССР стало результатом не осуществления социалистических принципов, а фактически продолжающейся революции и чрезвычайной обстановки – очевидной необходимости подготовки к неизбежной тяжелейшей войне и форсирования индустриализации.

Дееспособность государства в решающей степени зависит от его духовно-идеологического фундамента. Таким фундаментом может быть национализм, религия, идеология. Поэтому значение идеологии в жизни общества особенно велико в странах бывшего СССР и Юго-Восточной Азии (ареал китайской цивилизации). Вряд ли можно сомневаться, что для Китая распространение социалистической (коммунистической) идеологии стало важнейшим фактором духовного пробуждения, а затем и подъема за полстолетия от угнетенного полукOLONиального состояния до современного могущества второй экономики мира.

Одной из главных духовных основ России, обеспечивающих ее идентификацию как нации или цивилизации, являются язык и культура – религии, искусство, литература. Благодаря им, огромная по численности диаспора практически во всех странах мира чувствуют себя русскими, россиянами, они могут стать и, конечно, станут важным фактором, обеспечивающим влияние России в мире, блокирующим анти-российские акции и тенденции. Российское государство должно использовать это в своей политике, как практически все государства используют влияние своих диаспор.

Идеология нужна не только для разработки стратегии нового класса или новой партии. Ее задача еще и в том, чтобы выработать критерии, индикаторы, позволяющие определять, кто свой, кто чужой, кто твой друг и кто враг, кто потенциальный союзник, а с кем держи ухо востро. Это вовсе не призыв к новому разделению и но-

---

Это «фундаментально подрывная доктрина», которая «разрушит свободное общество».

вой конфронтации. Это необходимость выявить, понять, что хорошо и что плохо, где Верх и где Низ и объединить силы Добра. Сейчас в России разработчики многих новых прорывных технологий не хотят сотрудничать с «Роснано», хотя получение финансирования для них – вопрос жизни и смерти (см. статью М. Калашникова [16]). Они вполне оправданно опасаются, что эта структура сознательно, а может быть и невольно по своей чисто бюрократической природе приведет к фактической краже интеллектуальной собственности и утечке наших технологий к мощным зарубежным конкурентам в условиях невыявленного, но тяжелейшего духовно-идеологического раскола нашей элиты. Государственной компанией «Роснано» руководят не практики, доказавшие свою способность оценить значение нововведений и взять на себя ответственность, а «рыночные теоретики». Они требуют от инноватора дать полное документированное описание технологии вплоть до технических схем оригинального оборудования и технологической информации – для экспертизы от анонимных (для авторов) «независимых экспертов». Получишь ли ты финансирование – совершенно неизвестно, как и то, на кого в действительности работают «независимые эксперты». Так что привлечение или отпугивание творческих разработчиков полностью зависит от их доверия к государственной (а может быть, антигосударственной?) компании «Роснано». «Самый успешный» менеджер Чубайс своими великими подвигами по разрушению российской экономики (приватизация, раздробление единой энергетической системы, списание долгов многим странам и т. д.) сумел стать для хозяйственников главным символом враждебных сил и заслужил искреннюю ненависть большинства народа. Очевидно, такой «бренд» гарантирует неэффективность компании.

Ослабление противостояния парадигм «капитализм – социализм» привело (или скоро приведет) к выходу на первый план в идеологической борьбе альтернативы, которую по наиболее заметному противоречию условно обозначим «глобализация – многополярный мир». Цивилизационные истоки этих двух категорий можно идентифицировать с «Западом» и с «Востоком». Исторически идеологию современной глобализации следует считать порождением успешного развития капитализма, а альтернативную идеологию (которая неизбежно должна появиться) будет, видимо, в большей мере наследницей идей социализма и их практических реализаций.⁶ Возможно, обновленная идеология сохранит названия «социализм» и «коммунизм» и

---

⁶ Стоит обратить внимание на парадоксальный «переворот полярности». Социализм начинал с идеи мировой революции, которая устраним национальные и империалистические полюса, порождающие империалистические войны, и создаст глобальную мировую коммуно. Теперь добившийся больших успехов капитализм навязывает всем странам единую систему экономической, информационной, идеологической «открытости и свободы», а раздробленный на географические и теоретические осколки социализм должен быть готов отстаивать многообразие мира.

будет рассматриваться как развитие великого движения современности. И превратится в вечный источник исторического вдохновения и развития, подобный мировым религиям. Его социально-политическая и экономическая теория при этом будет регулярно обновляться по мере изменения исторической реальности.

В чисто экономической, точнее, политэкономической сфере черты новой парадигмы нашли свое воплощение во многих весьма успешных социально-экономических системах индустриального и постиндустриального периодов. Они также не раз были в том или ином контексте описаны в различных теоретических работах (см., в частности, [3], [15, разд. 4.2 и 4.3]). Ниже коротко перечислены эти черты, или принципы. В следующем разделе проблемы, которые встают при формировании идеологии многополярного мира, проиллюстрированы на примере категории социальной справедливости.

Принципы альтернативной системы управления экономикой

1. Самым обобщающим можно назвать требование подчинения ценовой и финансовой сферы задачам развития производства благ, имеющих реальную полезность⁷. К сожалению, в настоящее время даже серьезные экономисты часто обсуждают экономические проблемы, ограничиваясь лишь рамками финансовых проблем и показателей, не считая нужным выяснить, правильно ли отражаются реальные процессы финансовыми показателями, оказывают ли финансовые сдвиги то влияние на производство, уровень жизни разных слоев общества и т. д., которые должны оказывать, так сказать, по определению.

2. Представителем и выразителем целей и интересов **общества, народа**, долгосрочных интересов страны **по идее, по смыслу** должно быть государство, его конституция и законы (если это не так, то и рыночные, ценовые и финансовые механизмы, скорее всего, будут действовать не в интересах общества).

3. Распределение средств и ресурсов между экономическими и социальными секторами и производственными отраслями, а также между целями текущего потребления и перспективного развития регулируется в основном государством, которое разрабатывает средне- и долгосрочные индикативные планы совместно с крупными хозяйственными организациями, предпринимательскими ассоциациями и профсоюзами. Планом определяются важнейшие межотраслевые производственные и ценовые пропорции. Товарные, денежные и финансовые рынки и институты используются государством как важнейшие инструменты управления экономикой. Оно же определяет их роль, сферу и масштабы деятельности.

---

⁷ По определению одного из наиболее последовательных борцов против углубляющегося отрыва «финансовой экономики» от реальных потребностей Линдона Ларуша, это «физическая экономика».

---

4. Защита внутренних товарных и финансовых рынков с помощью импортных и экспортных таможенных тарифов, ограничения вывоза и ввоза валюты и товаров должна быть признана вполне законным и часто не менее эффективным средством для развития отечественного и мирового производства, чем максимальная экономическая открытость. Ее необходимо считать важной частью национального суверенитета.

5. Систему финансовых институтов и инструментов следует существенно упростить для обеспечения полной прозрачности и расширения возможности контроля со стороны государственных и общественных организаций. Сохранение коммерческой тайны надо признать институтом, так же мешающим экономическому и социальному развитию, таким же признаком отсталости, каким сейчас считается экономическая и информационная закрытость некоторых государств.

6. Наиболее вероятным вариантом альтернативы процессу подчинения мира олигархической власти финансово-политических групп представляется реализация идеи многополярного мира. В политическом плане это может быть международная организация национальных государств, союзов государств (например, наподобие ЕС), федераций или государств типа империи – организация, основанная на принципах, общих для мировых религий и великих духовных движений – Просвещения, социализма и других (очищенных от элементов агрессивности), на уважении духовных основ каждого народа-участника и его суверенной государственности. Экономические отношения между государствами-членами могут быть построены по типу Бреттон-Вудских соглашений 1944 г.

Категория справедливости

Одним из важных элементов Образа жизни, Образа мышления и чувствования служит понятие или, еще глубже, не обязательно четко осознанное коллективное представление о справедливости. Это представление лежит в фундаменте морали и правосознания народа. И оно разное у разных народов. В Западной Европе после реформации, и особенно после разрушения монархий, ослабления церкви, после экономических успехов капитализма и оформления либеральной буржуазной идеологии, нравственное чувство смотрит на существование миллиардеров (даже не промышленников, а банкиров) как на нормальное явление, а на них самих как на самых уважаемых членов общества. Богатство, наверное, впервые в истории, стало рассматриваться не как награда за заслуги перед обществом, а само стало показателем заслуг и ценностей человека. И это, как правило, вне зависимости от происхождения богатства, по принципу «лишь бы не пойман как вор». А бедность была признана скорее пороком, виной, чем несчастьем.

В традиционных обществах сохранилась мораль, требующая оправдания богатства человека его заслугами и ценностью для общества. Роскошь прилична государ-

---

ству, монарху как демонстрация силы и богатства общества, но не индивида. «Общее выше, ценнее частного» – этот социалистический принцип лег в основу марксистской теории и явился идеологическим оформлением социалистической альтернативы экспансии западного капиталистического общественного устройства. В России, несмотря на близость столь успешной западной цивилизации, несмотря на бурное развитие капитализма в XIX – начале XX веков, несмотря на крушение СССР, нравственные чувства россиян и их понятие справедливости существенно отличаются от западных. Большинство россиян не могут считать нормальными миллиардные расходы и гламурные утехы рублевских олигархов – вне зависимости от законности или незаконности происхождения богатства. Россиянин в душе не признает, не принимает общественный договор с властью, в первую очередь не потому, что власть сама нарушает свои законы, а потому, что эти законы не соответствуют его нравственному чувству и пониманию справедливости, потому что власть мирится со сложившимся неприемлемым общим порядком, не выступает против него и тем самым поддерживает его.

Понятие несправедливости распределения практически идентично категории эксплуатации труда, которое К. Маркс сделал одним из краеугольных камней своей экономической теории. Эта теория логически построена на основе постулата, что добавленная стоимость создается трудом и должна полностью принадлежать трудящимся. Ее отчуждение в пользу капитала есть мера эксплуатации труда, т. е. несправедливости распределения продукции и ресурсов. Понятия эксплуатации и справедливости распределения становятся полностью пригодными для научного осмысления и статистического измерения. Однако эти понятия не становятся при этом однозначными характеристиками объективной (не зависящей от наблюдателя) реальности, поскольку проблемными, зависящими от целей и задач исследователя, остаются высказанные и невысказанные предположения (аксиомы), на которых строится теория.

Как углубление экономических, социальных, политических исследований, так и в еще большей степени изменения самого предмета этих исследований – общественно-экономической системы к концу XX века привели к тому, что исходная марксова система категорий все чаще оказывалась непригодной, чтобы вместить новую картину мира. Чтобы идеологическая, теоретическая форма оставалась адекватной новому содержанию, ее приходится постоянно перекраивать и перешивать. Это естественный и необходимый процесс для всякой живой идеологии и всякой общественной теории. Перечислим коротко те проблемы, которые потребовали сначала углубления и детализации отдельных категорий, а потом и совершенствования общей идеологической схемы.

В дальнейшем развитии политэкономии прежде всего была подвергнута переосмыслению «аксиома» о труде как единственном создателе новой стоимости. Так же,

---

как Лобачевский показал, что пятый постулат Евклида не является единственным вариантом аксиомы о параллельных линиях, были созданы плодотворные теории, где в качестве факторов, порождающих добавленную стоимость, рассматривались природные ресурсы, труд и талант предпринимателей, информационно-технологические ресурсы и т. д. Было признано, что производительный труд не концентрируется только в пределах рабочего класса. Труд предпринимателей и научно-технической интеллигенции часто делает производство на порядки более эффективным. Так что в богатых западных странах часто трудно определить, кто кого эксплуатирует: капиталисты (и «прикормленная» ими техническая интеллигенция) – рабочих или наоборот. Развитая в связи с потребностями начисления заработной платы в Советском Союзе и крупных корпорациях теория редукиции труда решить эту проблему не может.

Но допустим, что удастся создать механизм, позволяющий измерять вклад коллективов и отдельных личностей в эффективность производства. Будет ли справедливым отдавать им весь эффект их труда? И не станет ли при этом дифференциация доходов в обществе выше, чем, скажем, в современных странах Европейского Союза? Да ведь еще важнее, чем распределение дохода, то, как израсходуется, на что потратит свой доход тот или иной член общества или группа. Ведь большая часть прибыли тратится на производственные и финансовые инвестиции, а не на сверхпотребление.

Одним из главных факторов, который требует переосмысления в экономической теории К. Маркса, служит молчаливое предположение, на которое было обращено серьезное внимание только уже в середине XX века. А именно, при обсуждении вопроса об эксплуатации система цен, по которым учитываются и соизмеряются распределяемые продукция и ресурсы, чаще всего рассматривается как объективно заданная. Стоимость, в отличие от цены продукции, появляется на первых стадиях исследования как результат моделирования реальных (стохастических) процессов рыночного формирования цены. Отличие возникает за счет упрощающего правила равной нормы прибавочного продукта по отношению к средним затратам труда (простейшая модель стоимости) или по отношению к используемому капиталу (модель цены производства). Статистические исследования, проводимые начиная с первой половины XX века, однозначно доказывают, что постулат о выравнивании норм прибыли или прибавочного продукта ни при каких вариантах интерпретации не удается совместить с реальностью. Главным фактором, ответственным за различия норм прибыли, видимо, служит степень монополизации отрасли. Были выявлены ценовые диспаритеты, свидетельствующие о резких различиях уровней цен на один и тот же товар в богатых и бедных странах, факты манипулирования ценами со стороны крупнейших корпораций и государств (см., напр., [6]). Так что в настоящее время вряд ли кто-то сомневается, что цены также являются инструментом распределения и

перераспределения доходов и ресурсов между отраслями, классами и социальными слоями населения, группами государств не в меньшей степени, чем уровни заработной платы и нормы прибыли.

Пожалуй, можно констатировать, что в современных условиях понятие эксплуатации не добавляет определенности в вопросах распределения по сравнению с плохо поддающейся формализацией категорией справедливости. Также социалистический принцип **распределения по труду, по результату труда** не решает проблемы справедливого распределения в обществе в целом. Коммунистический принцип – **по потребности**, очевидно, тем более применим только внутри малых коллективов, объединенных Высшей Идеей или Верой, Общей Целью.

И тут становится очевидно: вопрос, что считать эксплуатацией, несправедливым распределением, упирается в определение субъекта эксплуатации и целей, на которые он направляет свои доходы. Как оценивает эти цели то большинство членов общества, которое он эксплуатирует? Этот вопрос может быть остро актуален, например, в отношении национальной буржуазии, которая накапливает средства для финансирования национально-освободительной войны. Или для госкорпораций, финансирующих национальные высокотехнологичные проекты в условиях недоверия к части властвующей элиты, подозреваемой в тайном сотрудничестве с иностранными конкурентами.

Эти аспекты важны, когда речь идет об эксплуатации народа государством. В этом, в частности, упрекали всегда советское государство, особенно в период сталинского правления. Тогда отношение низкого уровня потребления к колоссальным затратам труда и его результатам было действительно беспрецедентным в истории. Однако классифицировать это отношение как статистический показатель «эксплуатации» – это, конечно, чисто политическое извращение смысла. Поскольку народ воспринимал государство не как противостоящую, враждебную силу, а как своего представителя, квалифицированно распоряжающегося деньгами и ресурсами во имя общего дела.

Таким образом, формальную схему, позволявшую во времена Маркса построить строгую логическую (и математическую) модель для определения и даже статистического измерения, теперь, видимо, уже невозможно наполнить таким новым содержанием, чтобы она стала адекватна наиболее распространенным и важным ситуациям. Очевидно, поэтому в последнее время термин «эксплуатация» очень редко используется и в журналистских, и в теоретических публикациях.

Означает ли это, что исчезла сама проблема несправедливого распределения? – Конечно, нет. Это означает только, что попытка свести эту проблему к материальным, чисто экономическим показателям и формализовать с помощью простой схемы оказывается все менее адекватной. (Судя по идеологическому и политическому воздействию теоретической схемы Маркса, в его время она была адекватна.) Конечно,

---

проблема беспрецедентного разрыва между доходами и имуществом богатого меньшинства и бедного большинства никуда не пропала и со временем постоянно обостряется. Однако вопрос о справедливости, допустимой норме такого разрыва с точки зрения общественной морали оказывается увязанным с такими духовно-идеологическими и социальными факторами, что понятие эксплуатации, ассоциированное с попыткой однозначной формализации, приходится заменять на гораздо более проблематичный и неформальный термин «несправедливость».

В России восприятие народом сложившегося порядка как чуждого, «оккупационного», а потому и неприятие общественного договора с нынешней властью, ощущение его ненадежности, временности – это наследие вовсе не только советского периода, не результат «совкового менталитета», а результат многовекового развития русской культуры, основанной на православии.

Капитализм и социализм – вечная конфронтация или необходимое разнообразие?

Трудности определения и разграничения понятий капитализма и социализма, некогда обозначавших не вызывающие неясностей полярные противоположности, возникли вследствие того, что как в реальности, так и в теории происходит их очевидное сближение, взаимная диффузия признаков, имплантация институтов. Капитализм в ряде стран давно обогнал социализм по предоставлению социальных гарантий гражданам, а также научился с помощью государственного воздействия на рыночные механизмы смягчать негативные последствия не очень глубоких кризисов. Некоторые быстро развивающиеся страны систематически разрабатывали и с успехом применяли пятилетние планы (Япония, Франция, Южная Корея и др.). Социализм с самого начала его реализации стал использовать, вопреки теории, институты рынка и частной собственности (НЭП). Появилась теория рыночного социализма.

Определенность, однозначность используемых категорий необходима как методологическая основа для научного анализа систем «смешанных» типов социально-экономического устройства, в частности, для изучения такого важного феномена, как современный Китай, а также для межстрановых сопоставлений. В настоящее время определенность понятий «капитализм» и «социализм» в значительной мере утрачена. Этот тезис подробно обосновывается в работе [17]. Теоретическая неоднозначность ключевых категорий широко используется в целях идеологической борьбы.

С целью более адекватной привязки категорий социализм и капитализм к обозначаемым ими реальным системам, конструируются уточняющие понятия: для социализма – «либеральный», «с китайской спецификой», «новый социализм»; для капитализма – «социально ориентированный», «авторитарный», «постсоциалистический» и т. п. Этот процесс неизбежно ведет к потере теоретической и идеологической ясности.

Авторы [17] фактически предлагают отказаться от категорий «социализм» и «капитализм» и вместо этого использовать «идеологически нейтральные», чисто методологические схемы – институциональные матрицы. Категория социализма заменяется на «матрицу-Х», категория капитализма – на «матрицу-У».

Использование в теоретическом анализе такого методологического инструмента, как «идеальный тип» (подробное обоснование см. в [6]), оказывается исключительно плодотворным для всех гуманитарных наук. Авторы [17] фактически это подтверждают. Речь идет только о том, чтобы устранить идеологически насыщенные понятия, отсылающие к продолжающейся и теперь конфронтации «центра» и «периферии» и мешающие, по мнению авторов, установлению «прагматической и спокойной философско-теоретической основы для сотрудничества ..., принятой в научной и общественной аудитории», для начавшейся «перезагрузки отношений».

Возможно, это предложение поможет тем аналитикам, которые хотят ограничить предмет своего исследования «чисто экономическими» аспектами, дистанцируясь от заряженных прорывной энергией исторических символов. К сожалению, в этом смысле работа [17] оказывается скорее в русле влиятельного в среде интеллектуалов течения деидеологизации, которое само является частью антикоммунистической идеологии.

Как разрушительный результат революционной (или точнее, контрреволюционной) смены социалистической идеологии на капиталистическую в постсоветских странах, так и успешная «прививка» элементов капиталистической модели к социалистической «материнской» модели в Китае свидетельствуют, что попытка игнорировать насыщенную великой духовной энергией идеологическую проблематику «капитализма – социализма» (хоть и значительно «остывшую» по сравнению с первой половиной XX века), дистанцироваться от нее даже в тактических целях вряд ли окажется успешной.

На наш взгляд, гораздо более плодотворна следующая методологическая схема. Признаки и тенденции, являющиеся компонентами как капиталистической, так и социалистической идеологических и институциональных систем, прослеживаются на протяжении многих веков и даже тысячелетий. Они имманентны человеческой истории. В разных странах в разные периоды они складываются в определенные комплексы, образуя веберовские «идеальные типы». Такая методологическая схема, по-видимому, в большей степени соответствует «цивилизационному» подходу к описанию исторического развития.

Прослеживание развития тех или иных тенденций, исторического процесса вызревания нового идеологического и институционального комплекса, который будет мотором истории на десятилетия или столетия, – чрезвычайно плодотворная задача. Она особенно актуальна в условиях нынешнего кризиса эпохи идеологического вакуума. Именно такая методологическая концепция лежит в основе работ

А.И. Амосова [18–20]. В этих работах на основе обширного исторического материала прослеживается возникновение элементов идеологии и системы управления хозяйством, которые позже вошли как составные части в идеологию и практику советской модели. Автор описывает эти элементы в дореволюционной России, в компании Генри Форда, в государственном регулировании цен и в планировании в развитых капиталистических странах. Он называет их элементами социального хозяйства. Часто в капиталистических странах они применялись более рационально, чем в СССР, и приносили больший эффект. В XX веке право на выживание каждой из двух идеологий отстаивали сначала с помощью танков и ракет, затем – путем административных запретов или иными методами, не менее эффективно обеспечивающими «требования политкорректности». И в то же время происходил интенсивный процесс их совершенствования, повышения их привлекательности, приемлемости для все более широких слоев народа и элиты за счет усвоения, адаптации тех или иных лозунгов и практик враждебной идеологии. Шел важнейший процесс взаимного обогащения.

Будем надеяться, что пришла пора плодотворности развития каждой из идеологических категорий, по крайней мере, в своем цивилизационном ареале, объективного изучения достоинств и недостатков каждой из реализовавшихся систем и, главное, взаимообогащающего диалога между ними. Такой диалог между идеологиями с главенствующим желанием глубже понять друг друга мог бы стать образцом для взаимоотношений между идеологическими полюсами в многополярном мире. Это «розовая» надежда на приход мудрого и мирного многополярного мира. Похоже, что установка на устранение одной из двух мировых систем и, главное, идеологий, и замены ее другой – еще долгое время будет менее плодотворной, чем концепция их сосуществования, идейной борьбы и взаимного обогащения.

Литература

1. Волконский В. А., Корягина Т. И., Кузовкин А. И. На уроке у финансового кризиса: задание на третье тысячелетие. <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=pub/volk01>
2. Фукуяма Ф. Падение корпорации «Америка» // Мир перемен, 2008, № 4.
3. Лужков Ю. М. Транскапитализм и Россия. М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009.
4. Кургинян С. Е. Исав и Иаков. Судьба развития в России и мире. М.: МОФ ЭТЦ, 2009.
5. Волконский В. А., Корягина Т. И. Современная многоярусная экономика и экономическая теория. М., Институт экономических стратегий, 2006.
6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. В сб. «Избранные произведения». М.: Прогресс, 1990.
7. Berle A., Means G. The modern corporation and private property. New York: Macmillan, 1933.
8. Дзарасов Р., Новоженев Д. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2005.
9. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. Сочинения. Том 16. М.: Изд-во «Писатель», 1997.
10. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. (Книга первая). От начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2001.
11. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. (Книга вторая). От Великой Победы до наших дней. М.: Алгоритм, 2001.
12. Клоцвог Ф. Н. Социализм: теория, опыт, перспективы. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
13. Виткин М. А. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Наука, 1972.
14. Осипов Ю. М. Экономическая цивилизация и научная экономия. Экономическая теория накануне XXI века. М.: Юрист, 2000.
15. Волконский В. А. Драма духовной истории: внеэкономические основания экономического кризиса. М.: Наука, 2002.
16. Калашников М. Как нам реорганизовать «Роснано»? // Завтра, 2009, № 51.
17. Кирдина С. Г., Кондрашова Л. И. Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз. <http://www.kirdina.ru/doc/16apr09/1.doc>
18. Амосов А. И. О победе социального хозяйства в 20-м веке // Экономическая наука современной России, 2006, № 4.
19. Амосов А. И. К дискуссии о новой индустриализации. // Экономист, 2009, №6.
20. Амосов А. И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия. Закономерности социального и экономического развития. М.: Изд-во ЛКИ, 2009.